

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Шавеко Н.А. Этнокультурная справедливость и мультикультурализм. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 53–65.

УДК 323.1

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53

Этнокультурная справедливость и мультикультурализм

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

*Поступила в редакцию 09.03.2022, поступила после рецензирования 07.04.2022,
принята к публикации 08.07.2022*

Современные общества характеризуются культурным многообразием, что порождает потребность в нахождении справедливых принципов урегулирования возникающих в связи с этим разногласий. Целью статьи является анализ концепции мультикультурализма как возможного решения проблемы этнокультурной справедливости. Автором проводится критика тезисов, высказываемых в защиту мультикультурализма. На основе осуществленного анализа делаются выводы о том, что: 1) толерантность неизбежно имеет свои пределы, устанавливаемые единой для всех политической культурой; 2) ценность культурного многообразия не следует преувеличивать – ее нужно соотносить с другими ценностями; 3) равноправными являются не культуры, а их носители, поэтому невозможно постулировать неотчуждаемое право каждой культуры на сохранение и развитие. Одновременно приводится ряд оснований, по которым нужно обеспечивать сохранение и развитие культурного

© Шавеко Н.А., 2022

многообразия: 1) относительная ценность культурного многообразия как такового; 2) роль защиты меньшинств и коренных народов, иммигрантов и иных сообществ с уникальной культурой в обеспечении социальной стабильности, мира и безопасности; 3) сохранение исторического и культурного наследия; 4) исправление исторических несправедливостей. Политика, учитывающая указанные основания, характеризуется как «мягкий» мультикультурализм.

Ключевые слова: мультикультурализм, этнические меньшинства, национальные меньшинства, межэтнические конфликты, межнациональные конфликты, коренные народы, иммигранты, справедливость

Ethno-Cultural Justice and Multiculturalism

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Received 09.03.2022, revised 07.04.2022, accepted 08.07.2022

Abstract. Contemporary societies are characterized by cultural, ethnic and religious diversity, which creates the need to find fair principles for resolving differences arising on the basis of such diversity. The purpose of the article is to consider the validity of the concept of multiculturalism as a solution to the problem of ethno-cultural justice. The article criticizes the theses expressed in the scientific literature in defense of multiculturalism. In particular, it is demonstrated that: 1) tolerance inevitably has its limits set by a single political culture for all, 2) the value of cultural diversity (in particular, its importance for personal development) should not be exaggerated, while it should be correlated with other values; 3) it is not cultures that should be considered equal, but their bearers; and since the rights of groups are derived from the rights of individuals, it is impossible to postulate the inalienable right of each culture to preserve and develop. The specifics of the activation of ethnic and regional identities are analyzed, as well as alternative ways of multiculturalism to prevent interethnic and intercultural conflicts. At the same time, a number of arguments are given, according to which the preservation and development of cultural diversity should still be ensured (the significance of these arguments is always conditional): 1) the relative value of cultural diversity as such; 2) the role of the protection of minority and indigenous peoples, immigrants and other communities with a unique culture in ensuring the political and social stability of states, peace and security; 3) the preservation of historical and cultural heritage; 4) correction of historical injustices (at the same time, the conditions under which affirmative action can be justified are called). A policy that takes into account these arguments is justified by the author as a healthy “soft” variant of multiculturalism.

Keywords: multiculturalism; ethnic minorities; national minorities; interethnic conflicts; indigenous peoples; immigrants; justice

For citation: Shaveko N.A. Ethno-Cultural Justice and Multiculturalism, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 53-65. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53.

Культурное многообразие современного мира вынуждает искать морально обоснованные принципы национальной, миграционной, религиозной политики, а также принципы урегулирования разногласий, возникающих на этнической, религиозной и т.п. почве. Идеал должного социального регулирования в культурной сфере может быть обозначен как этнокультурная справедливость. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка осмыслить только одно из возможных решений проблемы этнокультурной справедливости, а именно концепцию мультикультурализма, суть которой заключается в признании, поддержке и развитии культурного многообразия.

Мультикультурализм как государственная политика известен с глубиной древности (например, империя Ахеменидов), и сегодня его придерживается целый ряд стран (например, Канада и Австралия). Наиболее известными сторонниками мультикультурных взглядов можно назвать У. Кимлику (см.: Кимлика 2010: 413-467) и Б. Пареха (Parekh 2000). Политика мультикультурализма обычно противопоставляется политике «плавильного котла», направленной на «сплавление» всех этнических культур в единую национальную культуру. Вместе с тем названные два варианта не исчерпывают многообразия возможной культурной политики. Так мультикультурализм нужно отличать от консерватизма, который также поддерживает традиционные ценности сообществ, но зачастую не допускает инакомыслия внутри последних. Кроме того, мультикультурализм нельзя полностью отождествлять с политикой защиты меньшинств и отстаиванием групповых прав, хотя во многом это пересекающиеся явления. По нашему мнению, мультикультурализм можно кратко обозначить как теоретический взгляд, согласно которому, во-первых, с культурным разнообразием не следует бороться, во-вторых, такое разнообразие нужно не просто защищать, но также и стимулировать, обеспечивая развитие существующих и появление новых культур.

Проблемные места мультикультурализма. Аргументами в защиту мультикультурализма служат толерантность, равноправие культур, самоценность культурного многообразия. Вместе с тем с каждым из этих доводов возникают проблемы.

В первую очередь хотелось бы отметить, что в какой бы форме ни происходила поддержка этнических, религиозных и иных культур, если при этом речь идет о финансировании государством определенных мероприятий либо о финансовых потерях, которые вынуждено нести государство, возникают обоснованные контрдоводы экономического характера, связанные с тем, что никто не хочет спонсировать дорогостоящие практики других лиц. Одна из проблем мультикультурализма состоит в том, что поддержка культурного разнообразия требует финансовых затрат, а потому всегда происходит за счет пренебрежения какими-то другими целями (Уолцер 2000: 52). Зачастую мультикультуралистское «стремление к самобытности оборачивается требованием неоправданных привилегий» (Мартьянов 2006: 67). Поэтому выгоды мультикультурализма, если таковые и имеются, следует соотносить с издержками его реализации.

Не абсолютен и аргумент мультикультуралистов в пользу толерантности. Так, очевидно, что любая толерантность имеет свои границы. Например, мы не должны относиться толерантно к экстремистским воззрениям и практикам. В контексте мультикультурализма проблема толерантности состоит в том, что ее границы сами по себе означают наличие некоей общей политической культуры, которая неизбежно навязывается этническим и иным сообществам и преобразует их собственные культуры. Вот почему доведенная до абсурда толерантность расценивается некоторыми учеными как размывающая сложившиеся устои и идентичности и тем самым угрожающая социальной стабильности (Русских 2013: 174). Степень же культурного единства, в котором мы нуждаемся для обеспечения стабильности и т.п. целей, может накладывать ограничения на мультикультурную политику.

Прояснения требует и тезис о ценности культурного разнообразия. Так, вряд ли можно согласиться с мнением, что само существование различных культур необходимо для осмысленного и свободного выбора (Кимлика 2010: 429), и на этом шатком основании нести общегосударственные траты на поддержание культур этнических меньшинств и коренных народов. Представляется верным тезис, согласно которому «ничто не мешает автономии личности в достаточной мере проявиться в рамках единой культурной группы» (Уолцер 2000: 25-26). Личность при этом не лишена возможности знакомства с другими культурами, которые не окружали ее с самого детства. Соответственно, культурное разнообразие хотя и имеет некоторую ценность, но эту ценность не следует преувеличивать.

На наш взгляд, особенно проблематично мультикультурализм выглядит в свете того, что сами носители определенных культур не всегда заинтересованы в сохранении своих культурных особенностей. Действительно, различные этнические группы имеют разный уровень сплоченности и разные потребности в самосохранении, в связи с чем теряется смысл в их равной поддержке. Неслучайно ст. 14 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы (1995) обуславливает обучение языкам нацменьшинств и обучение на языке своего меньшинства «достаточной потребностью в этом»¹.

Исследователи отмечают, что этническая идентичность, как правило, не актуализирована, если о ней специально не заходит речь: гораздо важнее для людей семейное или профессиональное самоопределение; акцентированная этническая идентичность в России – это, хоть и «живой», но все же рудимент, свойственный скорее низшему классу, пожилым сельским жителям (Дробижева 2003: 50-53, 58; Сагитова 2003: 91, 110-111). Утверждается, что у бывших граждан СССР этнической идентичности или нет вовсе, или она практически незначима (Воронков 2002: 43).

Примером могут служить восточно-финские народы, весьма слабо откликающиеся на призывы к пробуждению собственного самосознания и

¹ Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS N 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.). Ст. 14. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/>

к культурному развитию (Калинин 2000: 87). Этнический нигилизм (отрицание ценности своего собственного этноса и его культуры) и стремление к ассимиляции – настоящий бич восточно-финских народов (Калинин 2000: 101, 115-118).

Миноритарные языки зачастую добровольно не передаются их носителями следующим поколениям. По-видимому, это связано с тем, что при всем уважении к ним такие языки не смогут получить столь же престижного статуса, как общегосударственный язык-медиатор либо язык международного общения (Наумов 2016: 26).

Как правило, конфликты на этнической почве возникают лишь при обострении классовых противоречий или на фоне экономических и социальных кризисов (Геллнер 2002: 177-178, 196-198). Такие кризисы могут быть вызваны, например, военным конфликтом или массовой иммиграцией. Но этничность сама по себе является скорее формой, чем причиной конфликта. Если же отсутствуют экономические и прочие причины, этническая идентичность не актуализируется. Поэтому нельзя не отметить, что, хотя этническая риторика и имеет определенную опору в массах, она зачастую намеренно актуализируется влиятельными социальными группами, в том числе СМИ и властными элитами, в качестве инструмента социальной инженерии, политической манипуляции, средства поддержания системы господства-подчинения (см.: Сагитова 2003: 77, 79, 82; Мартъянов 2005: 246). Таким образом, именно искусственная актуализация, а вовсе не игнорирование этничности, становится причиной конфликтов.

В науке ведется спор между примордиалистами, которые видят причины появления этноса в общей территории, истории, культуре, языке, психике, и конструктивистами, усматривающими эти причины в длительном господстве определенных идеологий (национализма, колониализма и пр.) и социальных практик (политической, пропагандистской деятельности и пр.), причем конструктивистская парадигма сегодня пользуется явным преимуществом (Семёнов 2008: 18-20). Формирование региональных идентичностей ученые также объясняют взаимодействием исторических, ситуационных и политических факторов, при этом последние характеризуются как наиболее значимые (Гельман, Попова 2003: 187-194).

С учетом вышеизложенного радикальные исследователи задаются вопросом: «Действительно ли, например, столь ценно сохранение исчезающих культур или поддержка культур “слабых”?» (Воронков 2002: 46). Ведь не менее обоснованным, чем мультикультурализм, способом преодоления уязвимого положения этнических меньшинств могло бы стать финансирование программ их интеграции в общегражданскую культуру. К тому же ассимиляционные процессы для многих народов, чья этнокультурная идентичность не актуализирована, могут пройти весьма безболезненно.

Отдельное внимание хотелось бы уделить рассмотрению тезиса мультикультуралистов о необходимости обеспечения равноправия культур. По нашему мнению, это несколько сомнительный тезис. Ведь ключевым доводом против мультикультурализма как раз является то, что самоценными следует считать не нации или культуры, а индивидов. Если публичные

образования и юридические лица являются субъектами права наравне с индивидами, то это не означает, что они обладают равной с ними ценностью: напротив, они существуют только во благо человека, являющегося высшей ценностью (см. ст. 2 Конституции Российской Федерации)¹. Группы, нации и культуры имеют ценность, производную от их представителей и носителей. М. Уолцер верно отмечает: «Плюрализм сам по себе не имеет мощи для выживания, это зависит от энергии, энтузиазма, сплоченности внутри составных групп» (Walzer 1980: 784, перевод наш. – *Н. III*). В конечном счете поддерживать можно группы, образованные по самым разным, не обязательно этническим или культурным критериям, причем по самым разным основаниям. Существование групп связано с правом индивидов реализовывать свои личные жизненные стратегии (которое, конечно, может быть ограничено), и ущемление тех или иных групп необходимо интерпретировать как ущемление этого права (Luban 2018: 434-440). Отсюда следует, что ценность миноритарных культур производна от ценности людей, поддерживающих и воспроизводящих эти культуры. Это означает, что нет никакой равноценности групп – есть только равноценность индивидов. Точно так же нет никакой равноценности культур – есть только равноценность их носителей.

Один из продуктивных способов осмыслить права групп в этом ключе состоит в том, чтобы концентрироваться не на культурных, а на структурных различиях. Так, например, К. Юнг указывает, что культурная идентичность может конструироваться как реакция на некоторые структурные (в том числе исторически обусловленные) несправедливости (см.: Jung 2009). Защищая интересы членов той или иной группы, мы не столько поддерживаем их самобытную культуру, сколько признаем тот факт, что сама по себе актуализация групповой идентичности произошла ввиду структурного неравенства между индивидами, поставившего в невыгодное положение образующих эту группу лиц, и пытаемся устранить данное неравенство.

Одновременно следует признать, что если мы считаем правильным предоставить человеку право не только выбирать между заранее определенными традициями и верованиями, но и идти своим уникальным жизненным путем, то ослабление прежних групповых идентичностей будет попросту неизбежно. «Влияние групп на своих членов ныне слабее, чем когда бы то ни было», – пишет М. Уолцер (Уолцер 2000: 104), отмечая, что и помощь со стороны групп их членам в трудных жизненных ситуациях тоже может оказаться весьма слабой (Уолцер 2000: 118-119). Однако это является поводом не для искусственного поддержания прежних культур и идентичностей, а скорее для развития новых (на чем мультикультуралисты, как правило, внимание не акцентируют).

Возможные обоснования мультикультурализма. Несмотря на вышеизложенное, мультикультурализм не следует сбрасывать со счетов. Действительно, существующие международные нормативно-правовые акты,

¹ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

а также внутригосударственные нормативно-правовые акты Российской Федерации направлены не только на сохранение, но и, со всей очевидностью, на развитие и укрепление этнокультурной самобытности. Ниже мы рассмотрим возможные теоретические обоснования такой политики.

1. Нормативно-правовые акты обычно подчеркивают ценность культурного разнообразия для всестороннего развития общества, предполагая ее общепризнанной, но к вопросам финансирования программ по сохранению и развитию культурного многообразия подходят крайне осторожно. Нерешенным остается вопрос, в чем именно должно состоять желаемое культурное многообразие. Конечно, можно было бы предоставить меньшинствам право самим избирать свой путь и таким образом самим определять ценность существующих практик. Однако, по крайней мере в России с ее налоговой системой, регионы зачастую лишены возможности вести самостоятельную экономическую политику, выделять денежные средства на собственные образовательные программы и т.п. меры по поддержанию своей культуры (Сагитова 2003: 101). Изменение же бюджетной системы должно соотноситься с целью обеспечения политической стабильности государства. Несмотря на то, что двумя международными пактами 1966 г. установлено право всех народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, и благодаря этому обеспечивать свое культурное развитие, ни один из международно-правовых актов не гарантирует право этнических меньшинств и коренных народов на природные ресурсы, которые не связаны с традиционным укладом данных групп¹. В свою очередь установление материальной и иной компенсации коренным народам в связи с их переселением или отнятием их ресурсов не тождественно защите их культур. В результате способом сохранения культурного многообразия может стать поддержка не этнических культур, а, например, определенных субкультур и объединений, мероприятий и движений, жанров, направлений и видов искусства, науки, спорта и даже религий (то есть всего, что необязательно связано с этничностью). Цель при этом будет достигнута, но иными средствами.

2. Помимо этого, в международных нормативно-правовых актах часто упоминается роль защиты меньшинств и коренных народов в обеспечении политической и социальной стабильности государств, безопасности, мира и дружбы среди народов². Здесь речь идет уже не о собственной ценности культур меньшинств, а о том, что эту ценность большинству приходится признавать лишь для того, чтобы путем избегания межэтнических конфликтов утвердить общую ценность, а именно общественный порядок.

¹ См., напр.: Декларация ООН о правах коренных народов, принятая резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. Ст. 26. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

² См., напр.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

Но тогда защита культур меньшинств представляет лишь *modus vivendi*, а не действительный консенсус относительно исповедуемых ценностей. Более того, нельзя забывать, что не только подавление, но и актуализация этничности может повредить стабильности. Поэтому, как правило, те же самые правовые документы придают особое значение общей интеграционной политике государств и не допускают защиты языков меньшинств в ущерб государственному языку. Обеспечение участия этнических меньшинств в культурной, экономической и социальной жизни нередко объясняется необходимостью установления равенства возможностей, но совершенно очевидно, что такое равенство следует обеспечивать не только по этническому признаку, но и по многим другим; одновременно сама степень равенства возможностей является предметом острых научных дискуссий. Действительная причина заботы именно об этнических меньшинствах состоит в стремлении избегать взрывоопасных ситуаций, нарушающих устойчивость существующего порядка. Так, например, политика затушевывания межэтнических конфликтов и создания нового, советского народа при появлении признаков слабости центральной власти обернулась «парадом суверенитетов» и распадом СССР (Холики, Рахимов 2013: 192).

Показательно, что в закрепленном в международных актах положении иммигрантов не предусмотрено право на содействие в развитии их культур; прочный консенсус сложился лишь относительно необходимости политики включения (интеграции) иммигрантов в общенациональную культуру. Правда, иногда подчеркивается, что речь должна идти скорее о политической, чем об этико-культурной аккультурации (Хабермас 1995: 243). Так или иначе, сказанное демонстрирует, что довод о том, что культурное многообразие ценно само по себе, нуждается в критическом анализе. Понятие интеграции (включения) иммигрантов подразумевает установление тесных связей с принимающим обществом, причем (в отличие от ассимиляции) без отказа от своей идентичности. Но на практике установление таких связей предполагает принятие новой общегражданской (надэтнической) культуры. Ведь, как показал Э. Геллнер в вышедшей в 1983 г. работе «Нации и национализм», именно для обеспечения экономических взаимодействий эта национальная «высокая» культура и появляется. Конечно, отдельные этносы при этом не дискриминируются, но происходит их естественное угасание. И если граждане государства имеют хотя бы возможность привнести что-то свое в общегражданскую культуру, то права иммигрантов в этом отношении сильно ограничены. Таким образом, проблема иммиграции показывает, что решающим доводом при поддержке тех или иных культур меньшинств в действительности является политическая стабильность, а не ценность культурного многообразия.

Вопрос в том, всегда ли мультикультурализм содействует стабильности. Конечно, поддержка региональных и локальных особенностей, связанных со следованием определенным концепциям блага, вполне допустима в той мере, в какой это не вредит или даже содействует общенациональной политической стабильности. Но какова собственная ценность некоторой региональной/локальной сплоченности в рамках уже установленной обще-

национальной сплоченности и не подрывает ли первая вторую? Подобные вопросы, как представляется, демонстрируют неуниверсальность мультикультурализма как средства достижения политической, социальной и иной стабильности.

3. Содействие культурной самобытности может быть также уподоблено тому, как лишь некоторые архитектурные формы охраняются в качестве исторического и культурного наследия, что учитывается при составлении документов территориального планирования. При таком толковании один главных аргументов в поддержку культур меньшинств, помимо отсылки к положительным следствиям культурного многообразия и к действенным способам обеспечения стабильности государства, состоит в ценности исторического наследия. В преамбуле Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 г. говорится о том, что некоторые из исторических региональных языков или языков меньшинств Европы находятся под угрозой возможного исчезновения¹. В этом случае весьма скромным аргументом в пользу сохранения этнического многообразия выступает ценность этнических культур как живых исторических памятников. Однако, как верно заметил Ю. Хабермас, принцип консервации невозможно в полной мере перенести на культуру, так как сохранение определенных форм жизни зависит от того, насколько сами их носители убеждены в необходимости сохранения и воспроизводства этих форм (Хабермас 2008: 359), в противном случае от культуры действительно останутся лишь материальные памятники.

4. Наконец, последний довод, который можно привести в пользу сохранения и развития культур, связан с так называемой позитивной дискриминацией или аффирмативным действием. О необходимости исправления исторических несправедливостей говорится, например, в преамбуле Декларации ООН о правах коренных народов. Вместе с тем прежние исторические несправедливости не всегда оправдывают позитивную дискриминацию. Группа, которой сегодня оказывается особое содействие, должна действительно претерпевать последствия имевшей место ранее дискриминации (осуществлявшейся, например, в отношении прямых предков членов этой группы). Кроме того, группы, за счет которых сейчас осуществляется такое аффирмативное действие, должны действительно пользоваться теми благами, которые стали возможными ввиду имевшей место ранее дискриминации². Однако, и в этом случае позитивной дискриминацией не следует злоупотреблять. Вот лишь несколько причин. Во-первых, по своему характеру она очень приблизительна и касается лишь абстрактных социальных групп, не будучи способной исправить исторические несправедливости в отношении отдельных индивидов. Во-вторых, возможно, что у тех, за счет

¹ См.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS N 148 (Страсбург, 5 ноября 1992 г.). URL: <https://base.garant.ru/2541055/>

² Так, Т. Погге указывает, что современные богатые страны получают выгоды от ранее существовавших исторических несправедливостей: рабства, колониализма, геноцида, а также от навязывания другим странам условий ВТО (см.: Погге 2005).

кого осуществляется позитивная дискриминация, имеются свои собственные основания для позитивной дискриминации. В-третьих, неграмотно выстроенная позитивная дискриминация не способна достичь своей цели – выравнивания возможностей (так, льготы при поступлении в вуз не должны перерасти в поправки в процессе обучения, влияющие на его качество). В-четвертых, позитивная дискриминация не должна противоречить основным правам и свободам человека и гражданина (в частности, правам и свободам первого и второго поколений).

Выводы. Таким образом, мы видим, что концепция мультикультурализма в целом имеет под собой не так много нормативных оснований, по крайней мере, в своих радикальных и «жестких» трактовках. Вместе с тем полнейшее безразличие к положению культур также не является адекватной политической стратегией. Поэтому, мы можем говорить об обоснованности некоторого варианта «мягкого» мультикультурализма, в рамках которого, во-первых, хотя и признается значимость доводов в пользу поддержки (в том числе финансовой) различных культур, данная значимость все же считается относительной и, во-вторых, в любом случае отвергается тезис о равной ценности культур в пользу тезиса о равной ценности их носителей.

Мы не оспариваем, в отличие от противников категории коллективных прав, тот факт, что этносы и им подобные культурные общности могут рассматриваться в качестве субъектов права. Но это не означает, что они действительно имеют право на равные возможности для развития. Рассмотрение проблем, связанных с этнокультурной справедливостью, показывает, что точно так же, как человек не имеет права вести абсолютно любой образ жизни, требуя от государства поддержки, отдельные этносы или коренные народы не имеют абсолютно гарантированного права на сохранение своих культур и общественно-политических устоев. В конечном счете они имеют право лишь на выбор того или иного пути, но, делая этот выбор, должны принимать и его последствия. В этой связи нельзя не отметить, что этнические культуры – это, как правило, плод аграрного общества, которое по меткому замечанию Э. Геллнера «больше не является предметом выбора, потому что его реставрация просто-напросто обречет подавляющее большинство человечества на голодную смерть» (Геллнер 1991: 95). Негативные последствия индустриализации несут все люди, и каждому – и жителю мегаполиса, и оленеводу Крайнего Севера – приходится подстраиваться под новые реалии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронков В. 2002. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под. ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. Москва : Институт этнологии и антропологии РАН. С. 38-47.
- Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. Москва : Прогресс. 320 с.
- Геллнер Э. 2002. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Москва : Праксис. С. 146-200.

Гельман В., Попова Е. 2003. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 187-254.

Дробижева Л. 2003. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 47-76.

Калинин И.К. 2000. Восточно-финские народы в процессе модернизации. Москва : Наука. 176 с.

Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение. Москва : Издат. дом Гуманит. ун-та – Высш. шк. экономики. 592 с. (Полит. теория).

Мартьянов В.С. 2005. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 6. С. 244-257.

Мартьянов В.С. 2006. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. Политические исследования. № 4 (94). С. 61-73. DOI 10.17976/jpps/2006.04.07.

Наумов Ф.В. 2016. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 1 (21). С. 21-30. DOI 10.17223/22220836/21/3.

Русских Л.В. 2013. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 1. С. 173-175.

Сагитова Л. 2003. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 77-124.

Семёнов Ю.В. 2008. Православие и язычество в этническом самосознании восточно-финских народов. Дореформенный период (историко-философский аспект). Ижевск ; Екатеринбург : Изд-во Ин-та экономики УрО РАН. 216 с.

Уолцер М. 2000. О терпимости. Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги. 160 с.

Хабермас Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. Москва : КАМІ : Academia. 252 с.

Хабермас Ю. 2008. Вовлечение другого: Очерки политической теории. Санкт-Петербург : Наука. 417 с.

Холики А., Рахимов Н.Т. 2013. Межэтнические отношения в Средней Азии: история и тенденции // Вестник ТГУПИП. № 3 (55). Р. 186-195.

Jung C. 2009. Critical liberalism // Political Representation / Ed. by I. Shapiro, S.C. Stokes, E. Jean Wood, A. S. Kirshner. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 139-158.

Luban D. 2018. Group Rights, Group Intentions, and the Value of Groups // Journal of Genocide Research, Vol. 20. P. 434-440. DOI 10.1080/14623528.2018.1445422.

Parekh B.C. 2000. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. XII, 379 p.

Pogge T. 2005. World Poverty and Human Rights // Ethics & International Affairs. Vol. 19, iss. 1. P. 1-7. DOI 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00484.x.

Walzer M. 1980. Pluralism: a political perspective // Harvard encyclopedia of American ethnic groups. Harvard. P. 781-787.

References

- Drobizheva L. Russian, ethnic and Republican identity: competition or compatibility, V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentri regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 47-76. (in Russ.).
- Gellner E. *Nations and nationalism*, Moscow, Progress, 1991, 320 p. (in Russ.).
- Gellner E. The advent of nationalism. Myths of the nation and class, B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh et al. *Natsii i natsionalizm*, Moscow, Praksis, 2002, pp. 146-200. (in Russ.).
- Gelman V., Popova E. Regional Political Elites and Strategies of Regional Identity in Modern Russia, V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentri regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 187-254. (in Russ.).
- Habermas J. *Democracy. The mind. Morality: Moscow lectures and Interviews*, Moscow, KAMI, Academia, 1995, 252 p. (in Russ.).
- Habermas J. *Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*, St. Petersburg, Nauka, 2008, 417 p. (in Russ.).
- Jung C. Critical liberalism, I. Shapiro, S.C. Stokes, E. Jean Wood, A. S. Kirshner (eds.) *Political Representation*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009, pp. 139-158.
- Kalinin I.K. *East Finnish peoples in the process of modernization*, Moscow, Nauka, 2000, 176 p. (in Russ.).
- Kholiki A., Rakhimov N.T. Interethnic Relations in Middle Asia: History and Tendencies, *Bulletin of TSULBP*, 2013, no. 3 (55), pp. 186-195. (in Russ.).
- Kymlicka W. *Contemporary political philosophy. An Introduction*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gumanitarnogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 592 p. (in Russ.).
- Luban D. Group Rights, Group Intentions, and the Value of Groups, *Journal of Genocide Research*, 2018, vol. 20, pp. 434-440. DOI 10.1080/14623528.2018.1445422.
- Martianov V.S. On Conditions of Emergence of Justice Theory in Russian Politics, *Polis. Political Studies*, 2006, no. 4 (94), pp. 61-73. DOI 10.17976/jpps/2006.04.07. (in Russ.).
- Martianov V.S. Spravedliviy li etnonatsional'nye dekonstruktsii sovremennykh natsiy? *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2005, no. 6, pp. 244-257. (in Russ.).
- Naumov Ph.V. Models of Language Policy in Multiculturalism, *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2016, no. 1 (21), pp. 21-30. DOI 10.17223/22220836/21/3. (in Russ.).
- Parekh B.C. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2000, xii, 379 p.
- Pogge T. World Poverty and Human Rights, *Ethics & International Affairs*, 2005, vol. 19, iss. 1, pp. 1-7. DOI 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00484.x.
- Russkikh L.V. Multiculturalism: Integration or a Split? *Bulletin of South Ural State University. Series "Humanities and Social Sciences"*, 2013, no. 1, pp. 173-175. (in Russ.).
- Sagitova L. Regional identity: social determinants and constructivist media activity (on the example of the Republic of Tatarstan), V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentri regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 77-124. (in Russ.).
- Semenov Yu.V. *Orthodoxy and paganism in the ethnic consciousness of the Eastern Finnish peoples. Pre-Reform period (historical and philosophical aspect)*, Izhevsk ; Yekaterinburg, Izdatel'stvo Instituta ekonomiki UrO RAN, 2008, 216 p. (in Russ.).

Voronkov V. Multiculturalism and deconstruction of ethnic borders, *V.S. Malakhov, V.A. Tishkov (eds.) Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv*, Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2002, pp. 38-47. (in Russ.).

Walzer M. *On Toleration. Castle Lectures in Etics, Politics and Economcs*, Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 2000, 160 p. (in Russ.).

Walzer M. Pluralism: a political perspective, *Harvard encyclopedia of American ethnic groups*, Harvard, 1980, pp. 781-787.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5481-7425>;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Law Sciences, Senior researcher
Institute of Philosophy and Law of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5481-7425>;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com